

Она отказалась идти на парад

Катя на парад идти отказалась. Всё твердила о том, что праздник проходит каждый год одинаково, мол, чего она там не видела?

- Мне опять на плитах фамилии читать? Мама, я уже наизусть их все знаю. Что было - то прошло. Не пойду никуда, - укутавшись поплотнее в одеяло, под которым было жарко даже в прохладный день, девочка попыталась уснуть. - Я же сказала, что не пойду, - проворчала Катя, почувствовав толчки в плечо.

- Катя,- голос точно был не мамин, Даже на папин не похож, - Катюша.

Девочка сбросила с себя одеяло и замерла. Перед ее кроватью стоял прадедуска: в форме, с медалями, а главное - живой. Катя начала оглядываться и жмуриться, думая, что ей просто жарко, вот и мерещится всякое. Но увидела она лишь пустую рамку, на которой ещё пару минут назад был запечатлен прадедуска: в той же форме, с теми же медалями.

- Я тебя так ждал. Думал, что ты придешь и снова расскажешь мне что-то интересное, - медленно проговорил прадед, чуть закашлявшись в конце. - Почему ты не пришла?

Катя опустила голову. Она не могла придумать оправдание, ведь сказать дедушке в лицо "мне надоело", было бы, как минимум, невежливо.

- Знаешь, как нам, солдатам, важно увидеть детей, которые живут под мирным небом? Мы так хотим посмотреть и послушать наших потомков. Так хотим услышать простое "спасибо".

- Сколько лет мы уже победу празднуем? Детям давно неинтересно слушать рассказы о прошлом, - тихо сказала Катя, рассматривая награды на груди деда.

- Неужели мы зря победу одержали? - удивился прадед - Неужто наши поступки ничему не учат?

- Учат, - призналась Катя, - многому учат.

- Не дай Господь вам, пережить то, что мы переживали. Детьми на фронт шли, обманом оружие получали.

- Как это обманом? - девочка изумленно захлопала глазами.

- Так винтовки-то только с восемнадцати лет выдавали, а мы, от десятилеток шли и врали, что есть уже восемнадцать, что можно воевать.

- Зачем? Жизнь что ли дорога не была?

- Жизнь-то дорога, милая, но Родина дороже. Ох, сколько я друзей потерял... Мишка вон, в восемнадцать лет погиб. Чуть-чуть до победы не дошел. Собой гранату закрыл. Жизнь свою отдал за целый партизанский отряд! - дедушка потряс пальцем в воздухе, - Вон

теперь там, - он указал наверх, - смотрит на племяшек своих и радуется, что живут здоровые и счастливые.

Катя молчала. Наверное, пыталась понять смысл услышанного.

- А ещё был случай, - прадед посмотрел вверх, напрягая память, - в газете фронтовой, помнится, читал... Была у нас деревня оккупированная. Взрослых всех оттуда угнали, ребятишек только оставили да потешались, ироды, страшно!

- А что было, дед?

- Голод ведь был жуткий. У детей животы распухали. Любой валенки последние за корку черствую отдавал. А у немцев хлеб был... Кидали они его в поле, а ребятишки, голодные, словно собаки загнанные, бежали за ломтями несчастными, про страх забыв, - дедушка помолчал, сглатывая тяжелый горький ком, - а немцы стреляли по ним, как по дичи.

Катя прикрыла рот руками, сдерживая рвущийся плач и вскрик. Она и подумать не могла, что всё это происходило с ни в чем не повинными детьми.

- Прости меня, дедушка, - только успела сказать Катя, как проснулась.

Наскоро одевшись, Катя побежала в парк Победы. Парад кончился, люди разошлись, лишь цветы у мемориальной доски горой лежали. Найти нужную плиту не составило труда. Аккуратно отложив букеты в сторону, девочка подошла ближе к доске.

Катя протянула руку вверх, проводя пальцами по пыльной фамилии, высеченной на граните. От плиты родным веяло теплом, будто дедушка поцеловал хрупкие пальцы.

- Прости, что не пришла. Ты сделал очень много для Родины. Спасибо, дедушка.

А в голове вновь прозвучал родной голос: "Живите в мире".